

определить с большей или меньшей вероятностью некоторые опорные пункты этого сложного сооружения или, вернее, системы зданий. Однако в настоящее время идентификация археологических материалов (в частности мозаичных полов) с конкретными залами Большого дворца остается весьма дискуссионной (как и датировка найденных остатков)⁷, и реконструкция, предложенная Талботом Райсом, значительно отличается от реконструкции Миранды — не расхождением в деталях, а самим принципом локализации, т. е. признанием объема поддающихся определению зданий: если Миранда локализует все или почти все, то Талбот Райс решается определить местоположение лишь немногих сооружений.

Ипподром в последнее время редко был предметом специального анализа, и, кроме работ Гийана (часть из них не вошла в сборник), этой теме почти ничего не посвящено⁸.

Статьи Гийана, включенные в сборник, помимо сугубо топографических проблем, затрагивают также некоторые моменты истории Византии: убийство Никифора Фоки во дворце Вуколеонт, деятельность партий Ипподрома, организацию зрелищ на Ипподроме⁹.

А. К.

M. F. H E N D Y. COINAGE AND MONEY
IN THE BYZANTINE EMPIRE, 1081—1261
(«Dumbarton Oaks Studies», XII).

Washington, 1969, p. XVIII+453, pl. 51, 2 maps.

Книга кембриджского нумизмата М. Хенди выделяется среди работ, посвященных византийским монетам. Она содержит прежде всего чисто нумизматический материал: описание монет, чеканенных от вступления на престол Алексея I до отвоевания Константинополя Михаилом VIII у латинян (выбор такого — несколько неожиданного — хронологического отрезка определяется, как мы увидим ниже, концепцией автора). К этому описанию примыкают опять-таки чисто нумизматические комментарии и приложения. Сюда относится обширный список кладов XII—XIII вв. (стр. 325—408), отличающийся, правда, известной субъективностью: это клады из Болгарии, а также из некоторых других мест, лично обследованные автором (часть из них публикуется впервые). Сюда относятся также разделы, посвященные атрибуции монет: например, Хенди относит шесть монетных серий, которые обычно рассматривались как продукция провинциальных монетных дворов XI—XII вв., к константинопольской и солунской чеканке Латинской империи (стр. 199—209), считая их латинской имитацией византийских типов; он атрибуирует Иоанну III Ватацу монеты, которые В. Рос определил как чеканенные Иоанном II Комнином¹, а Алексею I — миллиарсий, который прежде атрибуировался Алексею III (стр. 41 и сл.). Сюда относятся попытки локализации чеканки некоторых монетных серий: так, Хенди причисляет к столичным золотые монеты Алексея I, которые Меткалф определял как никейские (стр. 91) и коринфские (стр. 92 и сл.), и считает солунской продукцией перперы Алексея I, изготовление которых Меткалф связывал с Трапезундом (стр. 93 и сл.). По мнению Хенди, монеты Феодора I Ласкаря чеканились не только в Никее, но и в Магнезии на Меандре (стр. 231—234).

Особенно существенны опыты классификации монеты конца XI—XII вв. В чеканке Алексея I довольно четко отделяются традиционные, близкие к выпущенным при Никифоре III трахеи, тетартероны, миллиарсии и фоллы от выпусков нового типа, включающих золотой перпер, вогнутые монеты (скифаты) из электра и биллона и медные тетартероны (стр. 39). Более тонких наблюдений потребовала классификация чеканки Иоанна II, Мануила I, Андроника I, Исаака II и Алексея III. Здесь Хенди опирается на иконографические различия в изображении императорской одежды: так, на основе болгарских кладов он выделяет два типа биллоновой чеканки (белые трахеи) Иоанна II и четыре типа — Мануила I (стр. 158)²; внутри этих типов ему удается

⁷ См., например: *D. Talbot Rice. On the Date of the Mosaic Floors of the Great Palace at Constantinople.* — «Χαριστήριον εις 'Α. Κ. 'Ορλάνδου», t. 1, Athenai, 1965.

⁸ См. еще: *R. Naumann, H. Belting. Die Euphemiakirche am Hippodrom zu Istanbul und ihre Fresken.* Berlin, 1966.

⁹ Помимо опубликованных в сборнике или указанных в предисловии статей, см.: *R. Guillard. Études sur l'Hippodrome de Byzance. IX. Les Factions au Xe siècle: leur organisation.* — BS, 30, 1969.

¹ В этом вопросе Хенди опирается на работу Д. Меткалфа: *D. M. Metcalf. John Vatatzes and John Comnenus: Questions of Style and Detail in Byzantine Numismatics.* — «Greek, Roman and Byzantine Studies», 3, 1960, p. 203—214.

² В другом месте (стр. 108 и сл.). Хенди говорит о трех типах биллоновых трахей Иоанна II: два он считает столичными, а один — солунским.

установить подтипы, отличающиеся рядом деталей — например числом драгоценных камней на императорском лоресе или на хламиде (стр. 162—167).

Но Хенди не ограничивается чисто нумизматическими (я бы сказал, формально-типологическими) наблюдениями. В последние годы в византийской нумизматике довольно четко определились два направления: одно из них представлено такими большими знатоками, как Ф. Грирсоном и А. Беллинджер, — исследователями, которые сознательно ограничивают себя собственно нумизматическими задачами и скептически относятся к возможности использования нумизматики для решения экономических и политических проблем³. Второе направление связано прежде всего с именем Меткалфа, который как раз и ищет «выхода» от анализа монет в собственно историческую проблематику. Хенди, несмотря на его полемику с Меткалфом по ряду частных вопросов, определенным образом примыкает к этому направлению.

Вернемся снова к проделанной им классификации монет Иоанна II и Мануила I. Если типы чеканки, по Хенди, отражают изменение монеты во времени, то подтипы — это продукция разных *officinae*, монетных дворов (стр. 168 и сл.). Тем самым Хенди приходит к заключению, что при Мануиле I число официн увеличилось с двух до четырех, что отражает увеличение объема чеканки (стр. 170). Напротив, при Андронике I количество монетных дворов уменьшилось — до двух, и это связано, по-видимому, с усилением государственного контроля за чеканкой (стр. 172). Однако в царствование Исаака II имело место возвращение к Мануиловой организации монетного дела — к системе четырех официн (стр. 174).

Сколько ни гипотетичны эти конструкции Хенди, они отражают естественную и необходимую тенденцию современного византиноведения к расширению круга источников для социально-экономической истории империи. Не случайно основная часть книги завершается главой, которая озаглавлена «Чеканка и экономика» (стр. 315—321). Здесь Хенди подводит итог своим наблюдениям и излагает стройную концепцию развития монетной системы в XI—XII вв.

Давно отмечено, что в XI в. Византия переживает монетный кризис, выразившийся в падении ценности и соответственно в ухудшении качества византийской золотой монеты, номисмы (истаминон). Хенди вносит в это представление ряд уточнений. Ухудшение качества монеты не было, по Хенди, длительным и постепенным процессом, но проходило в два этапа: при Михаиле IV и Константине IX ценность номисмы от теоретических 24 каратов дошла до 18 каратов, а после поражения при Манцикерте в 1071 г. резко снизилась до 8 каратов (стр. 6, 317). Далее, падение ценности золотой монеты оказалось, согласно Хенди, временным: составленная им таблица (стр. 10—12) свидетельствует, что на протяжении XII в. византийская золотая монета содержала около 20 каратов. Это восстановление ценности номисмы (теперь именовавшейся обычно перпером) Хенди связывает с реформой Алексея I, которую он датирует 1092 г. (стр. 39—49). Что касается биллоновой монеты, то около 1136 г. белая трахея составляла $\frac{1}{48}$ перпера, а в 1190 г. оценивалась в $\frac{1}{120}$ перпера; это изменение Хенди относит на счет реформы Мануила I (стр. 160). К 1199 г. трахея была доведена до $\frac{1}{184}$ перпера, и опять-таки Хенди видит причину этого в правительственной реформе (стр. 171). И хотя современники негативно оценивали такие реформы (см. стр. 314), на самом деле они вовсе не вели за собой «ухудшения» монеты. Комниновская монета, полагает он, послужила образцом для латинских имитаций и для никейской чеканки XIII в., и только после 1261 г. начинается неудержимое падение ценности перпера (стр. 320 и сл.). При этом Хенди, ссылаясь на работы Э. Арвейлера, расценивает укрепление монетной системы при Комнинах как одно из звеньев общего экономического подъема империи в конце XI—XII в. (стр. 318 и сл.)⁴.

В монетной системе XII в. наблюдается одно любопытное явление, которому Хенди, на мой взгляд, не уделил должного внимания. Старая византийская система исходила из принципа строгого соответствия золотой, серебряной и медной монеты и ее частей; в XI—XII вв. это соотношение было потеряно, в обращении оказалось большое количество разнообразных монетных типов, официальное соотношение которых между собой не отвечало их реальному соотношению. Результатом этого явилось возникновение понятия «предпочтительной» монеты, т. е. такой, которая ценилась на рынке выше ее официальной оценки. В соответствии с этим в XII в. обычно платежи не только определялись количественно, но при этом обуславливался и тип монеты, в котором они должны совершаться.

³ Возможности использования византийской монеты для политической и экономической истории были скептически оценены Грирсоном в докладе на Оксфордском византиноведческом конгрессе: *Ph. Grierson. Byzantine Coinage as Source Material.* — «The Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies». London, 1967, p. 317—326.

⁴ См. об этом также: А. П. Каждан. Загадка Комнинов (Опыт историографии). — ВВ, XXV, 1964, стр. 98; ср. также А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 271 и сл. Эту мысль Хенди развивает в специальной статье: *M. F. Hendy. Byzantium, 1081—1204: an Economic Reappraisal.* — «Transactions of the R. Historical Society», 5th Series, vol. 20, 1970, p. 31—52. Иначе: *Ju. Herrin.*

Подобное явление, которое условно можно было назвать «феодализацией» византийской монеты, наряду с некоторыми особенностями местной чеканки (в Солуни, а возможно, и в Филиппополе при Алексее I чеканили даже золотую монету), в какой-то степени противоречит той картине строгих соотношений разных монетных наименований, которую рисует Хенди (см. особенно стр. 25): не случайно XII столетие оставило нам столь большое количество терминов для разных видов монет (стр. 26—38).

Книга Хенди содержит много интересных частных наблюдений; например, автор выдвигает гипотезу о том, что в обращение монеты нередко поступали в так называемых апокомбиях, т. е. в кошельках, запечатанных специальными чиновниками и содержащих ту или иную сумму денег (стр. 301—314).

А. К.

L.-P. RAYBAUD. LE GOUVERNEMENT ET L'ADMINISTRATION
CENTRALE DE L'EMPIRE BYZANTIN SOUS LES PREMIERS
PALÉOLOGUES (1258—1354).

Paris, 1968, p. 293.

Административное устройство Византийской империи до последнего времени оставалось одним из белых пятен, которыми вообще богато византиноведение: кроме известной работы Дж. Бури¹, можно было указать лишь на несколько монографий и статей, посвященных отдельным сторонам византийской администрации. В последние годы работы Э. Арвейлер, Р. Гийана, А. Хольвега в какой-то мере заполняют создавшуюся лакуну; к ним должна быть присоединена и книга преподавателя юридического факультета в Дакаре Л.-П. Рейбо.

Тема книги — центральный государственный аппарат в Византии на протяжении почти столетнего периода: от воцарения Михаила VIII Палеолога до отречения Иоанна VI Кантакузина. Рейбо начинает со сравнительно хорошо изученной темы — сущности византийской императорской власти, затем рассматривает роль синклита и народных масс в государственном управлении и, наконец, переходит к византийскому чиновничеству; он устанавливает порядок должностей (титулов), характеризует четыре семьи высшей служилой аристократии и исследует государственный аппарат в его деятельности.

Выходя, собственно говоря, за пределы избранной темы, Рейбо в особом разделе ставит вопрос о существовании феодализма в Византии.

Книга основана на большом материале разнообразных источников, которые довольно подробно характеризуются автором; он привлек некоторые рукописи, в том числе и Псевдо-Кодина, поскольку ему еще не могло быть доступным критическое издание, подготовленное Ж. Верпо (см. аннотацию: ВВ, 30, 1969, стр. 281).

Нет необходимости подчеркивать трудности темы: источники скудны и часто скрывают реальную действительность под традиционной терминологией, предварительные исследования частных вопросов во многих случаях отсутствуют, сопоставление избранной эпохи с предшествующими столетиями практически невозможно из-за отсутствия соответствующих характеристик этих столетий. Вот почему при всей ценности отдельных наблюдений Рейбо его обобщения подчас оказываются спорными и, более того, произвольными.

Начнем с вопроса о византийском феодализме. Этой большой проблеме уделено меньше десятка страниц (стр. 146—154), и вся она сводится к вопросу о пронии. Коль скоро прония не всегда предполагала отбывание военной службы или могла быть в любой момент отнята государем (что само по себе справедливо), коль скоро доход прониара не сопоставим с феодальной рентой (стр. 148, прим. 11) — а это весьма спорно и, во всяком случае, не аргументированно, — Рейбо отвергает тезис о феодализме в Византии. Не говоря о том, что прония — не единственный институт в Византии, близкий к западным институтам (несмотря на всю его специфичность), не говоря о том, что в Византии несомненно существовали те или иные формы частной власти крупных собственников над их «людьми», самое изложение проблемы пронии оставляет желать лучшего: работы советских ученых по этому вопросу не привлекаются, а источники трактуются произвольно. Вот один пример. На стр. 148 Рейбо утверждает, что в византийском словоупотреблении «прония» — это то, что дано на сохранение, и ссылается на фразу Акрополита (имеющего в виду события 1261 г.), что «прония Константина справедливо вернулась в руки императора ромеев». Но у Акрополита ничего подобного нет: *ἡ Κωνσταντίνου προνοία θεοῦ καὶ αὐτῆς ὑπὸ χεῖρα τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων ἐγένετο* (Асгр., I,

The Collapse of the Byzantine Empire in the XIIth Century: a Study of Medieval Economy. — «University of Birmingham Historical Journal», 12, 1970, p. 188—203.

¹ J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the IXth Century. London, 1911. Странным образом этой книги нет в библиографическом списке рецензируемой монографии.